

DOI: 10.31857/S0321039124040115

C.J. JOYCE. *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. XI + 259 p. ISBN: 978-1-3995-0634-2

Амнистия 403 г. до н. э. — одно из самых знаменитых событий истории классических Афин; уже Цицерон прославил ее как *Atheniensium vetus exemplum*¹ (Cic. *Phil.* I. 1. 1). Она завершила собой кровавый период кровавых смут, в ходе которого череда государственных переворотов увенчалась полномасштабной гражданской войной в Аттике. Естественно, об этой амнистии существует немалая литература, и рецензируемая монография Кристофера Джойса открывается полезным историографическим очерком (с. 3–11). Посвященные событию работы имеют разную направленность; одни из них представляют собой детальный фактологический, сугубо позитивистский анализ всех нюансов, связанных с заключением соглашения о примирении, с его формулировками и т.п.², в других обращение к теме амнистии служит поводом для широких обобщений историко-культурного характера³.

Последнее по времени исследование по данной проблематике до появления книги К. Джойса принадлежит Э. Кэрэуэну⁴, чей подход к интерпретации афинской амнистии можно охарактеризовать как прагматический. По его мнению, имел место просто «контракт» между двумя сторонами («городской» и «пирейской», т. е., соответственно, приверженцами олигархии и сторонниками демократии), имевший целью восстановление мира и стабильности в государстве. Ни на какие моральные принципы договоренность не опиралась и, более того, впоследствии не столь уж и строго соблюдалась: хотя согласно акту об амнистии запрещалось возбуждать судебные процессы политического характера по деяниям, имевшим место в период олигархии Тридцати (да и не только), иски такого рода тем не менее периодически поступали в дикастерии и суды проходили.

К. Джойс на протяжении всего рецензируемого труда решительно полемизирует с этой точкой зрения и противопоставляет ей собственный подход, который,

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024.

¹ Это выражение даже вынесено в заголовок одной из статей о рассматриваемой амнистии (Scheibelreiter 2013).

² Например, Loening 1987.

³ Например, Loraux 1997.

⁴ Carawan 2013.

пожалуй, мы назвали бы «романтическим». Он считает, что амнистия 403 г. до н. э. являлась делом отнюдь не прагматики, а глубокого этико-политического принципа: ее целью было восстановление законности после того, как произошло ее грубое попрание репрессивным режимом «Тридцати тиранов»⁵. Речь идет о том, что в англоязычной литературе обозначается выражением *rule of law* («власть закона» или «верховенство права»). Имел место акт доброй воли, а главное — принятое сторонами решение затем неукоснительно ими соблюдалось. Этот последний тезис обосновать особенно трудно, как будет продемонстрировано ниже.

Монография Джойса состоит из восьми глав, первая из которых имеет характер введения (с. 1—37). В ней автор, рассмотрев имеющиеся концепции, формулирует собственную позицию (только что охарактеризованную нами), а затем дает обзор источников по теме. Он подчеркивает, что среди них наибольшее (и, можно сказать, просто огромное) значение имеет соответствующий пассаж из 39-й главы «Афинской политики» Аристотеля⁶, до открытия которой в конце XIX в. вообще нельзя было составить правильного понятия об амнистии. Во второй главе (с. 38—67) излагаются события, предшествовавшие афинскому примирению: поражение Афин в Пелопоннесской войне, приход к власти Тридцати, учиненный ими террор, сопротивление противников олигархии, возглавленное Фрасибулом, раскол полиса и, наконец, восстановление демократии. На этой главе подробно останавливаться вряд ли имеет смысл, поскольку в ней нет каких-то проблемных мест, речь идет о вещах общеизвестных.

В третьей главе (с. 68—89) детально анализируются сами документы, имеющие отношение к амнистии. Автор приходит к выводу, что двумя ключевыми положениями акта были следующие. Во-первых, любые деяния, имевшие место до 403 г. до н. э., по которым еще не было начато судебное преследование (как известно, при Тридцати дикастерии не функционировали), более таковому не подлежали; в этом и заключался принцип *μὴ μνησικαχεῖν*. Во-вторых, вынесенные до 403 г. до н. э. приговоры судов сохраняли полную силу (принцип *res iudicata*), их пересмотр запрещался.

Здесь имеет смысл остановиться на некоторых ключевых моментах, которые определяют собой всю систему взглядов К. Джойса. Мало кто будет спорить с тем, что афинская демократия в конце V в. до н. э. пережила тяжелейший кризис, в ходе которого она даже двукратно (в 411 и 404 гг. до н. э.) ликвидировалась в результате олигархических переворотов, которые притом были обусловлены

⁵ О репрессиях, практиковавшихся этим режимом, см. Wolpert 2006; 2019.

⁶ У Джойса автор этого трактата повсюду фигурирует как Псевдо-Аристотель. Ученый, таким образом, идет в фарватере «новой ортодоксии», установившейся в западном антиковедении со времени выхода известного комментария П. Родса, в котором вопрос об авторстве «Афинской политики» решен не в пользу аристотелевского (Rhodes 1985, 58—63). Мы, со своей стороны, настаиваем и будем настаивать на том, что пока ни Родс, ни кто другой не привел аргументов, которые имели бы обязательную силу и исключали бы написание труда самим Стагиритом. А ведь нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется, и вряд ли совершенно обосновательно, именно как «Афинская политика» Аристотеля.

именно внутренними причинами⁷. В чем, однако, заключались эти внутренние причины? Обычно их трактуют так: демократия в Афинах, двигаясь в сторону все большей радикализации, в период Пелопоннесской войны, фактически переродилась в охлократию, направляемую демагогами. В политическом словаре классической эпохи, правда, термин «охлократия» еще отсутствовал, и Аристотель (Arist. *Pol.* V. 1312b36) использует формулировку «крайняя демократия» (ἡ δῆμοκρατία ἡ ἐσχάτη). Именно ей он при разборе различных типов демократического устройства дает просто-таки уничтожающую характеристику (*Pol.* IV. 1292a4–36), уподобляя ее во многом незаконной тирании демоса, простонародья. Справедливо, на наш взгляд, считается, что, говоря о «крайней демократии», Стагирит описывает именно афинскую демократию последней трети V в. до н. э., но Джойс является, пожалуй, единственным известным нам исследователем, который это отрицает (с. 91).

В IV в. до н. э., согласно преобладающей точке зрения, демократия стала более умеренной, поскольку из «эпохи смут» были извлечены некоторые уроки, позволившие не делать прежних ошибок. Господство демагогов на уровне внешней политики зарекомендовало себя как неэффективное руководство⁸ (достаточно вспомнить поражения на Сицилии и при Эгоспотамах), а на внутривнутриполитическом уровне те же демагоги, начиная с Клеона, развязали настоящую «охоту на ведьм», повсюду отыскивая антидемократические заговоры, и, что самое главное, отыскивая, в общем-то, безосновательно⁹. Громкие судебные процессы (о повреждении герм и профанации мистерий в 415 г. до н. э., о стратегах, выигравших Аргинусское сражение в 406 г. до н. э.) привели к смертным приговорам для десятков невинных афинян, принимались на веру доносы самого сомнительного свойства, даже прозвучало (из уст демагога Писандра, позже перешедшего в олигархический лагерь) совершенно беспрецедентное предложение – пытаться (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43)¹⁰. Преследованиям со стороны демагогов подвергались прежде всего представители элиты, поскольку демагоги позиционировали себя как защитники и покровители простых граждан и ассоциировали себя с ними, т.е. с народными массами¹¹. Сама демократия стала восприниматься политической мыслью как власть бедноты над «порядочными людьми», что предельно четко прочитывается, например, в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта (Ps.-Xen. *Ath. pol.* 1. 1; 2. 20 и др.)¹², а позже в «Политике» Аристотеля уже постулируется как нечто само собой разумеющееся (Arist. *Pol.* III. 1279b17–1280a4).

⁷ А не внешними, как олигархические перевороты конца IV в. до н. э., ставшие следствием македонского диктата (различие прослежено в Lehmann 1995).

⁸ Osborne 2003, 257.

⁹ Rhodes 2015, 29–30.

¹⁰ Применительно к процессам 415 г. до н. э. грубые нарушения законности удачно рассмотрены в работе Youni 2024. Суд над стратегами в этой статье тоже охарактеризован (кратко, но выразительно) как «общепризнанная парадигма процедуры, противозаконной во всех отношениях» (Youni 2024, 46). Попытка Д. Гиша доказать, что в ходе процесса 406 г. до н. э. серьезных нарушений правовых норм не было (Gish 2012), представляется откровенно неудачной.

¹¹ Simmons 2023, 39–58.

¹² Ср. комментарий к этому месту в Marr, Rhodes 2008, 138–142.

Мы изложили канву традиционной концепции, многие положения которой К. Джойс оспаривает. Он указывает (с. 40–41), что в Афинах последней трети V в. до н. э. существовало два противостоящих друг другу понимания демократии: как власти всех граждан, являющихся равными, и как власти бедноты, даже власти черни, которая притесняет знатных и богатых. Первой из этих трактовок придерживались, естественно, сторонники демократии (см. прежде всего «Надгробную речь Перикла», Thuc. II. 35–46), второй же — ее противники. Только первую из этих двух интерпретаций афинской демократии Джойс считает корректной.

С его точки зрения, демократия второй половины V в. до н. э. отнюдь не была чрезмерно радикальной, а демократия IV в. до н. э. не стала по сравнению с ней более умеренной. Суть же кризиса он определяет так: «Со времени Клеона до смерти Клеофонта произошло фундаментальное изменение: суды впервые стали полем политических боев между соперничающими полководцами и политиками» (с. 31). Пожалуй, слово «впервые» употреблено здесь чрезмерно категорично. Отдельные случаи использования судов в качестве политического оружия против конкурентов зафиксированы и ранее обозначенного Джойсом хронологического отрезка, — например, в конце 460-х годов до н. э. группировкой Эфиальта и Перикла против Кимона (Plut. *Cim.* 14–15). Но нельзя не согласиться с тем, что именно начиная с Клеона интенсивность такого применения дикастериев многократно возросла.

Политизация судебной системы, разумеется, была безусловным злом; с этого и берет начало деградация афинской демократии в охлократию, хотя эту деградацию и отрицает К. Джойс. Сам же он не может не признать, что в результате протекавших процессов доверие к гелиее как гаранту законности подрывалось. Опять же по его наблюдению, судебные преследования особенно часто направлялись демагогами против магистратов¹³. Это, помимо прочего, было и в техническом смысле легче всего: каждое должностное лицо по истечении срока пребывания на своем посту должно было сдать отчет (εἴθυνα), а процедура приема такого отчета являлась одним из видов судебного процесса¹⁴, что и давало возможность для каких угодно обструкций, поскольку, как известно, при большом желании можно придаться к *любому* отчету, найти в нем те или иные недостатки. Не случайно, как отмечает Джойс (с. 32), в числе главных лозунгов противников радикальной демократии присутствовали требования уменьшения самовласти судов и восстановления авторитета магистратов: ведь последние просто не могли чувствовать себя уверенно в условиях, когда над ними постоянно нависал «дамоклов меч» осуждения. В высшей степени показательно, что в период той же олигархии Тридцати дикастерии, как отмечалось выше, вообще не функционировали.

¹³ Так, после неудачи первой сицилийской экспедиции 427–424 гг. до н. э. командовавших афинской эскадрой стратегов (Пифодора, Софокла и Евримедонта) судили и (явно безосновательно) признали виновными, приговорив к суровым наказаниям (Thuc. IV. 65. 3). Не приходится сомневаться в том, что процесс был делом рук Клеона (Cataldi 1996). Велика вероятность и того, что именно Клеон был инициатором осуждения стратега Фукидида, будущего историка (Rhodes 2006, 523).

¹⁴ Carawan 1987.

Вернемся к изложению содержания рецензируемой работы. В четвертой главе (с. 90–125) констатируется, что амнистия в Афинах сопровождалась пересмотром всего свода законов. Главным же, что мы встречаем и в этой главе и почти на всем протяжении оставшейся части монографии, является анализ нескольких судебных процессов рубежа V–IV вв. до н. э., на которые ссылаются специалисты, считающие, что акт об амнистии можно было обойти и в суды все-таки поступали иски (в том числе и политического характера) по деяниям, совершенным до 403 г. до н. э. Автор книги видит свою цель в том, чтобы опровергнуть данный тезис, и нам предстоит разобраться с тем, насколько ему это удалось.

Вначале речь заходит о процессе Никомаха (399 г. до н. э.), для которого была написана XXX речь Лисия. Секретарь Никомах, в этой речи обвиняющийся в многочисленных нарушениях, являлся одним из наиболее влиятельных членов комиссии по пересмотру законов. Последняя впервые была учреждена еще после ликвидации олигархии Четырехсот, установившейся в 411 г. до н. э.¹⁵, ее работа продолжалась до переворота Тридцати, а после реставрации демократии возобновилась. К. Джойс обоснованно утверждает, что на суде Никомаху вменялись в вину злоупотребления, допущенные им не в первый, а во второй период функционирования комиссии, то есть уже после амнистии, которая, таким образом, не нарушалась.

Но это относительно несложный случай, чего отнюдь не скажешь о рассматриваемом далее деле Андокида, поступившем в дикастерий примерно тогда же; главный источник о нем — защитительная речь самого обвиняемого, видного оратора («О мистериях», речь I). История Андокида является необыкновенно запутанной¹⁶. В 415 г. до н. э. он, будучи еще молодым человеком, оказался под арестом в ходе следствия о повреждении герм. В тюрьме он сделал донос, признав свою причастность к группе, совершившей преступление (но не к самому преступлению), и назвав имена ее членов, за что был помилован. Однако уже вскоре последовала псефисма Исотимида (Andoc. I. 71), предписывавшая «лишать доступа в храм тех, кто совершил нечестие и признался в этом (εἴργεσθαι τῶν ἱερῶν τοὺς ἀσεβήσαντας καὶ ὁμολογήσαντας)» (пер. Э.Д. Фролова). Хотя имя Андокида в постановлении не упоминалось, но совершенно ясно, что иметься в виду мог только он и никто иной.

Фактически это была атимия (хотя и не полная, а частичная, но весьма серьезной степени), и Андокид покинул Афины. Вернулся он после примирения 403 г. до н. э., а через несколько лет был обвинен в том, что посещает храмы и, в частности, принимает участие в Элевсинских мистериях. На протяжении всей речи оратор подчеркивает, что он защищен амнистией. К. Джойс настаивает на том, что Андокид прибегает к злостной инсинуации, а в действительности по отношению к нему должен был действовать принцип *res iudicata*: его осудили

¹⁵ Начало законодательной реформы, как правило, связывают с полным восстановлением демократического правления в 410 г. до н. э. Однако, как справедливо уточнил М. Финли (Finley 1971, 10), в действительности процесс начался несколько ранее, а именно тогда, когда существовал переходный режим Пяти тысяч — очень мягкая олигархия, предельно близкая к умеренной демократии (Marcaccini 2013).

¹⁶ Наиболее детально она изложена в Furlley 1996.

за религиозное преступление и приговор оставался в силе. Не можем не заметить, что ученый не вполне верно понимает ситуацию: судом Андокид был освобожден от ответственности (за то, что выступил в роли информатора), а атии подвергнут, повторим, псефисмой Исотимида. Последняя же, естественно, являлась не приговором, не судебным, а законодательным актом: до пересмотра законодательства, о котором упоминалось выше, не делалось никакой разницы между законом и псефисмой, любая псефисма являлась законом. На момент же суда над оратором уже было проведено предельно четкое разделение между ними; таким образом, постановление, из-за которого пострадал Андокид, законом быть перестало.

Таким образом, принцип *res iudicata* здесь ни при чем, и в сухом остатке имеем следующее: политические противники Андокида возбудили иск против него, не имея на то ни оснований, ни права, и амнистия их не остановила. Суд оправдал обвиняемого, но это отдельный вопрос, сам же процесс, как видим, оказался возможен. Мы убеждаемся (и далеко не в последний раз), насколько все-таки трудно доказать, как пытается Джойс, что к амнистии афиняне относились с максимальной серьезностью, строго и неукоснительно ее соблюдали. К слову, в тексте речи «О мистериях» встречается ряд документов, которые часто используются специалистами как источник для изучения как самой амнистии (точнее, амнистий — их было несколько¹⁷), так и иных аспектов афинской правовой жизни рассматриваемого периода. К. Джойс является приверженцем школы (М. Каневаро, Э. Харрис), придерживающейся той крайней точки зрения, согласно которой *все* документы такого рода (и у Андокида, и у других ораторов) являются неаутентичными, а поэтому в качестве источника привлекаться не должны и не могут¹⁸.

В пятой главе монографии (с. 126–157) перед нами предстает новая пара политических процессов конца V в. до н. э. Теперь это суды над Агоратом (XIII речь Лисия) и Эратосфеном (XII речь Лисия). Ситуация близка к предыдущей в том плане, что второй из этих случаев является крайне простым, а первый — предельно сложным (пожалуй, самым сложным из имеющихся). На нем поэтому придется остановиться подробнее, в то время как о процессе Эратосфена кратко скажем, что он никакой проблемы вообще не представляет: ведь обвиняемый являлся одним из членов коллегии Тридцати, а на них амнистия не распространялась¹⁹, как было специально оговорено вводящим ее актом (Arist. *Ath. pol.* 39. 6).

А вот процесс Агората — воистину главный камень преткновения, который волей-неволей должен пытаться както обойти каждый, кто уверен в строгом соблюдении амнистии в ближайшие годы после ее провозглашения. Дело носило ярко выраженный политический характер и касалось событий, имевших место до 403 г. до н. э.: Агорат, афинянин низкого социального происхождения, в период, когда афиняне уже проиграли Пелопоннесскую войну, а олигархия Тридцати еще не установилась, но все уже шло к тому, донес на группу влиятельных

¹⁷ Три или даже четыре в 405–400 гг. до н. э. (Dreher 2013, 88–89).

¹⁸ Canevaro 2013; Harris 2021. Применительно конкретно к I речи Андокида — Canevaro, Harris 2012.

¹⁹ Равно как на членов коллегии Десяти, при олигархии управлявшей Пиреем, и карательной коллегии Одиннадцати.

граждан, являвшихся убежденными сторонниками демократии и выступавших против позорного мира со Спартой. Те были арестованы, а вскоре пришедшими к власти Тридцатью казнены. Родственник одного из них, Дионисодора²⁰, выступал теперь обвинителем Агората (которому инкриминировалось не более и не менее как убийство) и клиентом Лисия, написавшего ему речь в качестве логографа. Кстати, из самой этой речи известно: обвиняемый утверждал, «что он привлечен к суду вопреки клятвам и договорам (ὥς παρὰ τοὺς ὅρκους καὶ τὰς συνθήκας ἀγῶνίζεται)» (Lys. XIII. 88. Пер. С.И. Соболевского).

И действительно, Агорат никаким образом не принадлежал к лицам, на которых амнистия не распространялась, и как отмечает сам К. Джойс, суд над ним «озадачивал современных интерпретаторов, главным образом потому что на первый взгляд он оказывается нарушением условий амнистии» (с. 130). В дальнейшем исследователь прилагает все возможные усилия, стремясь показать, что серьезного нарушения все-таки не было. Для Агората, дескать, могли сделать исключение, поскольку уж слишком вопиющим было его преступление. Здесь налицо «неопределенная ситуация (grey area), порождавшаяся... вопросом о том, как поступать с преступниками, чьи деяния имели настолько общественный характер, что, даже если эти люди не входили в коллегии Тридцати, Десяти или Одиннадцати, правовой принцип, исключавший (из амнистии — И. С.) членов этих коллегий, следовало распространить также на других общественных преступников (public criminals)» (с. 138).

Сформулировано сложно, замысловато и, скажем прямо, не очень убедительно. Какими бы мерзкими ни были Агорат²¹ и его поступок — это нюансы этического характера, которые неуместно примешивать к вопросу чисто юридическому: подпадал ли этот человек под амнистию. Ясно, что подпадал — все исключения из нее были исчерпывающим образом перечислены в акте 403 г. до н. э., — но под судом все-таки отказался, то есть был искусственно притянут к группе исключенных. Если тут и можно говорить о какомто «правовом принципе», то разве что о том, который заявил о себе во весь голос (в самом прямом смысле) на скандальном процессе стратегов 406 г. до н. э.: «Когда же некоторые из пританов заявили, что не могут предлагать народу противозаконное голосование, Калликсен, взойдя на трибуну, предложил включить и их в число обвиняемых. Народ громко закричал, чтобы отказывающиеся ставить на голосование были тоже привлечены к суду» (Xen. *Hell.* I. 7. 14–15. Пер. С.Я. Лурье).

Последняя пара процессов, рассмотренная К. Джойсом (глава 8, с. 158–179) — процесс Каллимаха (XVIII речь Исократ) и процесс Сократа. И здесь перед нами

²⁰ Дионисодор на момент ареста был одним из таксиархов: Develin 2003, 181.

²¹ Если он действительно был таким мерзким, каким рисует его Лисий. В последнее время проделана значительная работа в области исследования того, с каким непревзойденным, виртуозным мастерством афинские судебные ораторы умели до предела очернять своих оппонентов, как, например, Эхин — Тимарха (Karras 2024) или Демосфен — Конона (Lentakis 2024). Агорат же в 411 г. до н. э., в период режима Четырехсот, действительно участвовал в убийстве лидера олигархов Фриниха, о чем стало известно из надписи (*IG I³*. 102. 26–27), хотя Лисий решительно отрицает это (Lys. XIII. 70). А в 403 г. до н. э. он участвовал в демократическом сопротивлении Фрасибула практически с самого начала, с «периода Филы», и сам Лисий вынужден это признать (Lys. XIII. 77).

тоже бинарная оппозиция — простой случай против сложного. Что касается малоизвестного дела Каллимаха, оно к амнистии не имело никакого отношения, а если Исократ в своей речи периодически к ней апеллирует, то только как к некоему моральному образцу; это автору удастся доказать вполне убедительно. А вот при интерпретации суда над философом он прибегает к довольно интересной стратегии, которую необходимо рассмотреть.

Джойс отрицает политический характер процесса Сократа, не согласен с тем, что его судили фактически за антидемократические убеждения, за близость к лидерам олигархических гетерий конца Пелопоннесской войны и т. п. Мы должны помнить, настаивает ученый, что Сократ попал под суд по *γραφῇ ἁσέβειας* и, таким образом, с правовой точки зрения его процесс имел религиозный, а не политический характер. Формально это так, но против подобной позиции можно привести немало возражений. Сократ много лет исповедовал свои нетрадиционные религиозные взгляды, нисколько их не скрывая, так почему же его «вдруг» решили судить за них? И ведь именно тогда, когда ввиду знаменитой амнистии 403 г. до н. э. ему нельзя было предъявить прямого политического обвинения.

Тенденция не видеть «политическое измерение» суда над Сократом проявлялась и раньше. Р. Уотерфилд в чрезвычайно ценной статье об этом событии, рассмотрев некоторые попытки такого рода, констатирует: «Отрицать... что обвинения против Сократа были политическими по своей природе, — это значит игнорировать то, что мы знаем об афинской правовой системе в целом и о других процессах по делам о нечестии в частности». И далее, рассмотрев вопрос с большей степенью детализации, выражается еще решительнее: «Этот процесс, как и другие процессы по делам о нечестии, был явно политическим процессом»²². Таким образом, и тут мы убеждаемся в том, что К. Джойс, дабы отстоять свой тезис, вынужден прибегать к откровенным натяжкам.

В седьмой главе (с. 180–204) он привлекает в качестве сравнительного материала свидетельства об амнистиях в других полисах в классический и эллинистический периоды. Выясняется, что среди этих амнистий, безусловно, было немало таких, которые принимались по чисто прагматическим соображениям, как «орудие борьбы группировок» (*instrument of faction*, с. 203), и в дальнейшем победители в этой борьбе не только не соблюдали их строго, но и допускали их грубейшие нарушения. Однако исследователь продолжает настаивать на том, что в Афинах конца V в. до н. э. дело обстояло иначе, результатом благополучного завершения гражданской войны стало утверждение (точнее, восстановление, для Джойса это принципиально) «власти закона» в этом государстве в следующем столетии. Данный круг вопросов рассмотрен в восьмой главе (с. 205–225), которая играет роль заключения и суммирует основные выводы, достигнутые по ходу работы. Это делается четко, по пунктам (с. 215–216), один из которых представляется нам ключевым для автора (он выражает ту мысль, которая «красной нитью» проходит через всю книгу) и должен быть здесь процитирован: «Судебные процессы, которые последовали за примирением, основывались на правовом, а не политическом принципе и находились в соответствии с условиями примирения».

²²Waterfield 2012, 278, 287.

Как нам представляется (и как мы попытались продемонстрировать в рецензии), именно этот тезис ученому и не удалось доказать: слишком много фактов ему прямо или косвенно противоречат, и эти факты К. Джойс не сумел (да это и невозможно) примирить со своей точкой зрения. Сказанное отнюдь не означает, что мы оцениваем книгу отрицательно. В ней немало интересных наблюдений, отмечавшихся выше (например, о двух пониманиях демократии или о политизации судебной сферы демагогами как одной из главных причин кризиса конца V в. до н. э.). Можно еще упомянуть, что совершенно справедливо Джойс полемизирует с распространенным мнением, согласно которому олигархи этого периода выражали интересы состоятельной части граждан: «Тридцать были способны притеснять богачей точно так же, как и бедных» (с. 45). А проделанный им в главе 3 скрупулезный анализ содержания акта об амнистии послужит полезным подспорьем для каждого, кто впредь будет заниматься этой проблематикой.

Литература / References

- Canevaro, M. 2013: *The Documents in the Attic Orators: Laws and Decrees in the Public Speeches of the Demosthenic Corpus*. Oxford.
- Canevaro, M., Harris, E.M. 2012: The Documents in Andocides' *On the Mysteries*. *Classical Quarterly* 62, 98–129.
- Carawan, E. 1987: Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 28/2, 167–208.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Cataldi, S. 1996: I processi agli strateghi ateniesi della prima spedizione in Sicilia e la politica cleoniana. In: M. Sordi (ed.), *Processi e politica nel mondo antico*. Milano, 37–63.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dreher, M. 2013: Die Herausbildung eines politischen Instruments: Die Amnestie bis zum Ende der klassischen Zeit. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike. Beiträge zum 1. Wiener Kolloquium zur Antiken Rechtsgeschichte 27.–28.10.2008*. Wien, 71–94.
- Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
- Furley, W.D. 1996: *Andokides and the Herms: A Study of Crisis in Fifth-Century Athenian Religion*. London.
- Gish, D. 2012: Defending *dēmokratia*: Athenian Justice and the Trial of the Arginusae Generals in Xenophon's *Hellenica*. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 161–212.
- Harris, E. 2021: The Work of Craterus and the Documents in the Attic Orators and in the “Lives of the Ten Orators”. *Klio* 103/2, 463–504.
- Kapparis, K. 2024: The Curious Case *Against Timarchus*: Rhetoric and Prejudice. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 64–78.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.
- Lentakis, V. 2024: Reshuffling the Evidence: A Reading of Demosthenes 54 *Against Conon*. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 55–63.
- Loening, T.C. 1987: *The Reconciliation Agreement of 403/402 B.C. in Athens*. Stuttgart.
- Loraux, N. 1997: *La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes*. Paris.
- Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la *πρόκρισις* e la *patrios politeia*. *Klio* 95/2, 405–428.
- Marr, J.L., Rhodes, P.J. 2008: *The ‘Old Oligarch’: The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon*. Oxford.

- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2006: Thucydides and Athenian History. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 523–546.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Scheibelreiter, P. 2013: *Atheniensium vetus exemplum*: Zum Paradigma einer antiken Amnestie. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike. Beiträge zum 1. Wiener Kolloquium zur Antiken Rechtsgeschichte 27.–28.10.2008*. Wien, 95–126.
- Simmons, R.H. 2023: *Demagogues, Power, and Friendship in Classical Athens: Leaders as Friends in Aristophanes, Euripides, and Xenophon*. London.
- Waterfield, R. 2012: Xenophon on Socrates' Trial and Death. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry*. Leiden–Boston, 269–305.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.
- Wolpert, A. 2019: Xenophon on the Violence of the Thirty. In: A. Kapellos (ed.), *Xenophon on Violence*. Berlin–Boston, 169–187.
- Youni, M.S. 2024: Use and Abuse of Evidence in the Herms and Mysteries Cases. In: C. Carey, M. Edwards, B. Griffith-Williams (eds.), *Evidence and Proof in Ancient Greece*. Cambridge, 40–54.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Science
Foundation, project no. 23-28-00024

И.Е. Суриков,

д.и.н., главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия